

Рахманова М.П.

«...Я НЕ СЛУЖИТЕЛЬ РЕЛИГИОЗНОГО КУЛЬТА, А ЧЛЕН ПРОФСОЮЗА...»
(Дело Драмсоюза)

“...I’M NOT A PRIEST, I’M A TRADE-UNION MEMBER...”
(*the Dramsoyuz Affair*)

Аннотация. В статье рассматриваются архивные дела, относящиеся к созданию, деятельности и ликвидации Хоровой секции Драмсоюза (агентства по защите авторских прав) в 1920-х годах. Эта секция включала в себя авторов церковно-музыкальных композиций и была весьма многочисленной. Материалы Драмсоюза важны для истории православного церковного пения в советский период: они нередко могут служить объяснением путей формирования клиросного репертуара в последующие десятилетия. Кроме того эти материалы имеют высокую общеисторическую ценность, в заостренной, парадоксальной, иной раз анекдотической форме раскрывая противоречия двадцатых годов.

Abstract. The article deals with archival documents related to the creation, activities, and liquidation of the Choral Section of *Dramsoyuz* (“Drama Union”, a copyright agency) in the 1920s. The section in question was quite numerous, its members included church music composers. The materials of *Dramsoyuz* are important for the history of Orthodox Church singing during the Soviet period, since they shed some light on the posterior development of church choral repertoire. Besides, these materials have a more universal value: they reveal the contradictions of the 1920s in a peculiarly pointed, paradoxical, sometimes absurd manner.

Ключевые слова: история русского православного церковного пения, советская эпоха, 1920-е годы.

Key words: history of the Russian Orthodox Church singing, the Soviet era, the 1920s, *Dramsoyuz* (“Drama Union”), choral singing, church choral repertoire, precentors.

Драмсоюз (в некоторых документах – Драмосоюз) – это Ленинградское общество драматических и музыкальных писателей, возникшее около 1910 года, по идее своей – союз для защиты авторских прав, в который входили писатели и композиторы. Дореволюционный период его существования мы оставляем за скобками. Для нас важно, что после 1917 Драмсоюз перешел в ведение Наркомпроса РСФСР и что в его составе к середине 1920-х годов (то есть в эпоху нэпа) была организована Хоровая секция, которая включала в себя практически большинство авторов, писавших для церкви, причем не только здравствовавших, но и покойных: в этом случае собираемый за исполнение их сочинений гонорар мог выплачиваться наследникам. Обширные архивные дела Хоровой секции сохранились в РГАЛИ (ф. 645, № 398 – основное дело и ф. 675, оп. 2 – личные дела под разными номерами; в дальнейшем указания на источник приводятся в тексте).

Сразу же, в 1924, несколько авторов было, выражаясь языком документов, «национализировано», то есть гонорар за их исполнение поступал в пользу Наркомпроса; в числе этих авторов – классики церковно-певческого жанра: Бортнянский, Турчанинов, Вендель, Ломакин, Львов. Заметим также, что несколько лет спустя Драмсоюз подготовил еще один, более развернутый список «на национализацию». В архиве общества сохранились варианты такого списка. Приведем их, поскольку они наглядно показывают распространенность сочинений данных авторов в данную эпоху – неисполняющихся композиторов не было смысла выдвигать в чисто коммерческом смысле.

«Список исполняющихся духовных авторов, которых предполагается считать как национализированных» (Л. 205):

Бахметев
Сарти
Галуппи
Иванов Ф.А.
Строкин
Соколов Н.И.
Кюи
Римский-Корсаков
Балакирев
Глинка
Архимандрит Феофан,
Иеромонах Виктор
Священник Соломин
Львовский
Чайковский
Аренский
Полуэктов
Ломакин,
Вендель <так!>
Львов
Турчанинов
Бортнянский
Смоленский
Васильев И.А.

«Список умерших духовных композиторов, исполняющихся до настоящего времени» (Л. 206¹)

1. Аренский <дописка: Алиманов>
2. Бахметьев
3. Балакирев
4. Бортнянский*
5. Березовский
6. Виктор (иеромонах)
7. Вендель*
8. Васильев И.А.
9. Воротников
10. Виноградов М.А.
11. Галуппи
12. Глинка
13. Давыдов
14. Дектярев <так!>
15. Иванов Ф.А.

¹ Звездочкой в этом списке обозначены авторы, ранее «национализированные по линии Наркомпроса».

16. Копылов
17. Кюи
18. Ломакин*
19. Львов*
20. Львовский
21. Потулов
22. Полуэктов
23. Римский-Корсаков
24. Сартти
25. Скворцов
26. Смоленский
27. Соломин (священник)
28. Соколов Н.А.
29. Строкин
30. Турчанинов*
31. Феофан (архимандрит)
32. Чайковский

Хоровая секция, сформированная к 1925–1926 годам, была весьма многочисленной. В архиве известного духовного композитора Г.И. Рютова (ВМОМК имени М.И. Глинки) сохранился типографски размноженный список членов секции на 1 октября 1926: он насчитывает 80 человек, и среди них немало ведущих авторов духовной музыки – Гречанинов, Кастальский, Никольский, Павел Чесноков, Константин Шведов. Правда, в этот первоначальный список внесены и покойные «национализированные» авторы.

Список членов 1928 года, не включающий первично национализированных авторов (хотя включающий некоторых покойных композиторов), еще обширней: 133 персоналии. К этому списку мы вернемся, но сначала попытаемся ответить на вопрос: каким вообще образом и на каких основаниях мог осуществляться сбор отчислений авторского гонорара за произведения, исполняемые в храме.

Деятельности Драмсоюза с историко-социологической и юридической точки зрения посвящена развернутая статья Г.А. Цветковой². Процитируем фрагмент:

В контексте советской идеологии и репрессивной политики государства идея сбора авторского гонорара с церковью оказывалась более чем практична: предъявлять претензии Церкви можно было безнаказанно, и даже можно было рассчитывать на поддержку власти, которая «душила» Церковь, в том числе налогами.

Сбор авторского гонорара за исполнение в церквях «хоровых произведений» ведет начало с 1925, когда Наркомпрос РСФСР «в развитие установленных 02.02.1924 общих основных ставок авторского гонорара», которым государство обложило публичное исполнение произведений членов Драмсоюза, «признал необходимым и закономерным» распространить эти ставки особым разъяснением от 23.10.1924 и на церкви.

Было установлено, что церкви обязаны оплачивать исполнение «музыкальных и вокальных произведений композиторов» авторским гонораром в размере 5 процентов с заработка исполнителей, то есть церковного хора, или, как значилось в инструкции, «работников искусств, участвующих в художественной части предприятия» (то есть богослужения). В случае же, если хор пел бесплатно или пели псаломщик, диакон и священник, то платы совсем не брать. <...> Гонорар считался заработной платой членов Драмсоюза. Его собирали агенты Драмсоюза, которые получали процент от собранной суммы. Взыскивался этот гонорар с церковно-приходских советов»³.

² Цветкова Г.А. «Фарисеи» и «Мытари» на службе у Советского государства: проблема осуществления власти как личного выбора человека // XVIII Ежегодная богословская конференция Свято-Тихоновского университета. Материалы. М., 2006. С. 19–26.

³ Там же. С. 20.

Важно подчеркнуть, что довольно скоро этот порядок был существенно изменен, поскольку церкви отговаривались от нового налога тем, что исполняются у них не-авторские композиции, либо вообще певчие не знают, что именно поют, либо поют «со слуха» неграмотные дьячки, любительские неоплачиваемые хоры, просто присутствующие за службой прихожане. В результате налогообложение стало взиматься с общей суммы вознаграждения (в любых видах, в том числе со стоимости натуральных приношений – например, с фигурирующей в одном из документов платы за жилье диакона) всех лиц, участвующих «в художественной части богословского мероприятия», то есть сбор велся не только с хора и регента, но и со священников, диаконов и других членов причта.

Понятно, что для отслеживания исполнения авторских композиций в храмах следовало создать разветвленную агентурную сеть. И она на удивление быстро была создана, охватив практически все области страны, как города, так и села. Некоторые сведения на этот счет дает сохранившаяся выборочно переписка чиновников Драмсоюза со своими агентами, а также личное дело известного и уважаемого музыкального деятеля, в том числе духовного композитора, профессора Московской консерватории М.А. Слонова, который некоторое время служил в Драмсоюзе в качестве инструктора и ревизора агентурной сети.

(№ 586, л. 7)

Слонов М.А. поступает с 1 октября 1927 года на штатную должность в качестве инспектора-ревизора по Агентурному отделу Драмсоюза, с вытекающими отсюда обязательствами, с окладом в 100 рублей жалования и 200 рублей на расходы по разъездам на железных и иных дорогах для обследования деятельности провинциальных агентов. <...>

Слонов М.А. из тридцати дней месяца должен быть в разъездах 22 дня (рабочих) и имеет 8 дней отпуска. Слонов М.А. обязан давать подробные отчеты в виде докладных записок не менее двух раз в месяц.

Из дальнейших документов следует, что Слонов усердно исполнял свои обязанности в 1927 и 1928, объездив за это время «195 городов и местечек» и всюду налаживая агентурную работу. Он предполагал заниматься этим обременительным делом и далее, но в 1929 положение Драмсоюза пошатнулось, и договор с ним не был возобновлен. Надо полагать, что профессор консерватории и друг Рахманинова служил в таком заведении не от хорошей жизни.

Сохранившийся фонд Драмсоюза переполнен жалобами агентов с мест, а также документами судебных исков, которые «вчиняли» эти агенты отказывавшимся платить приходам. Приведем образцы.

(Л. 5 и об.)

В народный суд 10 района представителя Ленинградского общества Драматических и музыкальных писателей (Драмосоюза) Ковалева Ивана Павловича, живущего в городе Бутурлиновке, улица Красная, дом № 42, по делу с членами (двадцатки) Приходского совета церкви Феодосиевской (Заречный сельсовет).

Исковое заявление

Об авторском гонораре за публичное исполнение (ст. 23 ГПК п. «д»). В силу ст. 5 постановления ЦИК и СНК СССР от 25 января 1925 г. и ст. 9 пост. ЦИК и СНК СССР от 16 мая 1928 г., а равно постановлений НКПроса РСФСР от 2 февраля и 23 октября 1924 г. Церковно-приходские Советы обязаны уплачивать авторский гонорар за публичное исполнение произведений <так!> членов Драмосоюза. Гонорар этот исчисляется в размере 5 %, исходя из суммы вознаграждения, получаемого исполнителями – участниками хора. Приходской совет церкви Феодосиевской (в лице перечисленных граждан), в которой исполняются указанные произведения членов Драмосоюза, уклоняется от дачи сведений и от уплаты этого

гонорара и состоит должным Драмосоюзу за время с 1 января 1927 г. по день предъявления иска примерно 162 рубля.

Прошу Нарсуд:

1. Взыскать с членов Приходского совета церкви Феодосиевской в лице выше перечисленных граждан в пользу Драмосоюза авторского гонорара 162 рубля с процентами со дня предъявления иска по день уплаты и с издержками на ведение дела.

2. По решению <так!> допустить немедленное исполнение, так как гонорар является заработной платой членов Драмосоюза (ст. 187 ГПК).

3. Так как для определения точной суммы следуемого гонорара необходимо иметь сведения о вознаграждении, получаемом лицами, обслуживающими художественную часть церкви (притч <так!>, хор и т. д.), прошу обязать ответчиков представить к первому заседанию Суда сведения о размере указанного вознаграждения за период с 1.01 1927 г. по 1.01 1930 г.

Агент Драмосоюза Ковалев.

(Л. 15–17)

Дело о взыскании гонорара с общины церкви Спасо-Преображения в Большом Каретном переулке и общины церкви Покрова в Левшинском переулке.

20 марта 1927

Из представленных к делу списков песнопений, исполняемых в данных церквях, МосГубсуд приходит к выводу, что во время богослужений в этих церквях, а также т. н. всенощных и обеден, исполнялись хорами те или иные песнопения, принадлежащие перу перечисленных в списке Ленинградского О-ва авторов. Это обстоятельство подтверждается также рапортами контролеров, сообщивших О-ву о составе хоров и исполнении песнопений. <...>

Представленные ответчиками данные о заработной плате хоров за время с 1 ноября 1924 года по день разбора дела были признаны и не оспорены истцом и представляются в следующем виде:

По церкви Покрова – 7.172 руб.

По церкви Спаса – 10.100 руб.

Ввиду чего в первом случае 5 % составит сумму 358 руб, во втором случае – 505 руб.

Определение Кассационной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РСФСР по иску храма Покрова, 13 февраля 1930: оставить без последствий.

Понятно, что церковно-приходские советы и члены причта пытались разными путями сопротивляться заново вводимому странному и обременительному налогу. Приведем несколько свидетельств подобного сопротивления.

(Л. 116)

Зав. Агентурным Отделом Драмсоюза тов. Танину от Зам. Зав. Агентурным Отделом Василевского И.Ф.

Докладная записка

14 декабря 1929

11 декабря с. г. в г. Касимове мною от имени Драмосоюза было предъявлено два иска к Церковным Советам Соборной и Кладбищенской церквей в лице Резвякова, Орлова и Клячина. В качестве третьего лица был вызвана ячейка Безбожников [то есть членов Союза воинствующих безбожников -- М.Р.]. <...>

Так как иск к указанным церквям уже однажды слушался в первой и второй инстанции и Драмосоюзу в обеих инстанциях было отказано, в результате чего начиная с декабря прошлого года уплату авторских прекратили почти все церкви Касимовского района и города Касимова, новое дело приобрело особую важность

и серьезность, тем более, что среди населения Касимова уже в день судебного разбирательства начали ходить слухи, что в иске несомненно будет отказано и что дело взимания гонорара с церковью вообще дело незаконное, поэтому и подход к нему должен бы быть особенно деловитым.

Однако к моменту судебного заседания представитель Союза безбожников не явился, и еще перед заседанием среди толпы прибывшей группы людей я слышал по своему адресу всевозможные насмешки, которые после заседания на улице в связи с отсутствовавшим представителем еще более углубились.

О настоящем прошу довести до сведения ЦС СВБ и потребовать через него объяснения причины срыва показательного процесса и неявки в суд.

(Л. 111)

Письмо Драмсоюза в Союз воинствующих безбожников. 19 декабря 1929.
Тов. Минаеву

Командированный нами в помощь местному агенту гор. Касимова инспектор Василевский установил на месте (в Касимовском, Елатомском и Ерахтурском округе) безотрадную картину. Очень деятельный и энергичный агент т. Красин вынужден вести борьбу с церковными общинами, не пользуясь никакой поддержкой со стороны местных организаций. Напор на него местного кулачья и попов настолько силен, что есть тенденция даже снять его с работы. Инспектор Драмсоюза обратился за содействием к местной ячейке безбожников, которая командировала на очередной показательный судебный процесс тов. Носова. Последний на суд не явился. Результаты суда еще не известны, но обстановка и отношение местного населения к инспектору и агенту оставляли желать много лучшего.

Драмсоюз считает, что участие представителей Союза воинствующих безбожников в такого рода показательных процессах явилось бы одним из серьезных орудий и способов антирелигиозной пропаганды: трудно придумать лучший способ пропаганды, чем демонстрацию сбора с церкви средств на эту самую пропаганду.

Член Правления Потехин
Зав. Агентурным отделом Танин

Стоит заметить, что в фонде Драмсоюза имеются и другие документы по касимовскому делу, особенно интересные тем, что в качестве одного из ответчиков в них фигурирует талантливый и образованный регент А.И. Резвяков. Например, такой, исключительно демагогический, образец:

(Л. 70 и об.)

Драмсоюз – в Рязанский окружной суд 22.12 1929

На решение Нарсуда 20 участка Рязанского округа Касимовского района
По делу с гражданином Резвяковым и др. об авторском гонораре

Кассационная жалоба

<...> В условиях советского строительства церковное богослужение должно быть рассматриваемо как некое зрелище и к церковной общине должны быть применены в этой части все правительственные законоположения, касающиеся зрелищных предприятий. В частности община обязана предъявлять по требованиям агентов Общества, охраняющего права авторов, полную программу исполнения, поскольку доказано или установлено по делу, что в данной церкви исполнялись песнопения кем бы то ни было: священником, диаконом, псаломщиком, организованным или неорганизованным хором (любительским).

<...> Ответчик программы не представил, хотя был к тому обязан. В уголовном деле есть свидетельства одного из участников хора гр. Хохлова, подтверждающего факт исполнения. <...> Совершенно бесспорно, что исполняются именно музыкальные произведения, что они требуют чьей-то музыкальной обработки; так же бесспорно, что обработку эту производили именно русские именно композиторы,

среди которых, если оставить в покое давно умерших, есть и национализированные (Чайковский, Смоленский и др.), и наследники, имеющие права авторов (Аллеманов, Богословский, Архангельский и др.), и ряд живых авторов – уважаемых советских композиторов, чьи дореволюционные произведения используются в церкви. Совершенно бесспорно и установлено рядом судебных процессов, что без исполнения многих из этих композиторов не обходится ни одна служба, как бы убого ни было церковное пение. <...>

Следующие документы показывают, что нелепость деятельности агентов вызывала иной раз сомнения даже у сотрудников советского суда.

(Л. 120)

Выписка из письма райагента Драмосоюза Досужева (Кострома)

Агенту Драмосоюза по селу Красное на Волге [Ярославль]

В отношении тех лиц, которые приходят и говорят, чтобы вы взяли себе церковь, так как нечем платить, так вы в этом не смущайтесь. Дело идет к тому, чтобы закрыть их вообще, но нам-то они не нужны.

Имейте в виду, что головка религиозной группы состоит преимущественно из кулаков, полкулачников и т. д., а следовательно в случае их уклонения от платежа не стесняйтесь, передавайте в суд. Иск ведь будет утвержден.

Старайтесь провести дело как можно скорее с церквями, которые назначены к закрытию.

У вас в районе есть очень бузливая община – это рождества Полоскино, там в церковном совете кулачье из деревни Харитоново и Мыльниково, а по имеющимся у меня сведениям и налог и страховка всегда затягивают.

(Л. 122)

Выписка из письма агента Драмосоюза по гор. Новгороду. 25.12 (года нет)

Обращаюсь к Вам за содействием, так как моего вмешательства недостаточно. Агент по гор. Себежу по моему указанию начал взыскивать с церковью, на что получил отказ. А когда пошел в суд, то судья отказался принять иск, а прокурор присоединился к нему. Причем форма отказа как судьи, так и прокурора, по моему, недопустима: «Вы никак будете скоро взыскивать, если и курица запоет». А прокурор сказал: «Что в церквях исполняется, только песнопение Иисуса Христа, а он не был членом Драмосоюза».

И это было сказано после того, как агент показал все инструкции, постановления суда и ответ Главискусства и мое личное разъяснение.

(Л. 96)

Письмо в Агентурный отдел агента В. Карасева из Пскова от 2.01 1930

...Для начала кампании по сбору авторгонорара <так!> с зарплаты священников, я выбрал самую богатую в этом отношении церковь, но сразу же был поставлен в затруднительное положение и пока от предъявления судебного иска воздержался, так как церковный совет решил не платить и, взяв защитника, доказать неправильность иска по целому ряду причин, как то: что произведения композиторов не исполняются, коих исполняет только хор, а священники и дьякона, если когда и поют, то простые напевы, и что из трех священников один не поет вследствие старости (62 года), второй является лишь проповедником, а третий не имеет никакого понятия в нотном пении, и что вообще по ходу церковной службы пение священников не вызывается необходимостью, а дьякона делают лишь возгласы, и что иное дело в Москве или Ленинграде, где духовенство устраивает концерты и делают ими хорошие сборы, а здесь получают лишь из кружечного сбора, каковой не превышает в праздничные дни двух рублей.

Но самое главное, что заставило меня задуматься, сумею ли я доказать суду правильность моего искового требования, во-первых, не будучи знаком с музыкой не сумею доказать когда что исполнялась, а во-вторых, не имея под рукой никаких списков, не знаю, что и какому автору принадлежит. <...>

При всей абсурдности и мрачном юморе возникавших коллизий они воспринимались серьезно обеими сторонами: причтом и прихожанами, отстаивавшими свои храмы и свои хоры, и агентами, сражавшимися за свой заработок, а также чиновниками Драмсоюза, получавшими, судя по всему, более чем приличные зарплаты.

В «дело Драмсоюза» был принужден вмешаться сам Патриарший Местоблюститель. В архиве сохранился ответ Наркомпроса на запрос Синода, выдержанный в весьма неприятном тоне:

(Л. 14)

Разъяснение Наркомпроса от 28 августа 1926, направленное в Синод РПЦ

В ответ на Ваш № 2499 от 23 июля, Наркомпрос сообщает, что на основании закона «Об основах авторского права» от 30 января 1926 года право автора-композитора на взимание гонорара за публичное исполнение его произведений распространяется и на церковь.

Согласно смысла ст. 4 п. 3 означенного закона единственное исключение может быть сделано в пользу «красноармейских и рабочих клубов, а также и других мест при условии невзимания платы с посетителей». Совершенно ясно, что под «другими местами» подразумеваются подобные же места культурно-просветительного значения. Поскольку церкви, хотя бы и не взимали платы с посетителей, не подходят под понятие «культурно-просветительных учреждений», ясно, что к ним не может быть применимо указанное изъятие из закона... <...>

<...> Разницы между постоянным и временным хором действующие постановления не делают никакой. Наркомпрос считает, что не имеется никаких оснований ставить учреждения религиозного культа в особо привилегированные условия по сравнению с другими учреждениями.

Зам. Наркома Ходаровский.

* * *

Поскольку Драмсоюз был явным порождением нэпа, то его положение зашаталось к концу этого периода, когда зашатались и многие другие институты тех лет и когда, что особенно важно, стало ужесточаться отношение государства к Церкви. Правда, последний процесс происходил первоначально с колебаниями в ту или иную сторону, о чем могут свидетельствовать приводимые ниже документы Местоблюстителя, в которых упоминаются хоры и певчие⁴.

Памятная записка Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Нижегородского Сергия (Страгородского) о нуждах Православной Патриаршей Церкви в СССР. Для тов. П.Е. Смидовича

6 (19) февраля 1930

1. Страховое обложение церквей, особенно в сельских местностях, иногда достигает таких размеров, что лишает общину возможности пользоваться цер-

⁴ Акты Святейшего Патриарха Тихона и позднейшие документы о преемстве высшей церковной власти. 1917–1943 / Сост. М. Губонин. М., 1994. С. 689–691.

ковным зданием. Необходимо снизить как оценку церковных зданий (отнюдь не приравнивая их к зданиям доходным), так и самый тариф страхового обложения.

2. Сбор авторского гонорара в пользу Драмсоюза необходимо поставить в строго законные рамки, то есть чтобы сбор производился только за исполнение в церкви тех музыкальных произведений, которые или национализированы, или же по авторскому принадлежат какому-либо лицу, а не вообще за пение в церкви чего бы то ни было при богослужении, в частности, чтобы исполнение служителями культа своих богослужебных обязанностей не рассматривалось как исполнение артистами музыкальных произведений, и потому церкви не привлекались бы к уплате 5 % сбора со всего дохода, получаемого духовенством храма, то есть и дохода с треб, совершаемых даже вне храма.

3. Необходимо прекратить взимание сбора за страхование певчих, отмененного в июне 1929 г. и взимаемого с церковью за пропущенные годы (иногда с 1922 г.) по день отмены, причем вместе с пеней сбор иногда достигает очень значительных сумм (например, 4000 рублей с лишком). <...>

10. Пожелания духовенства: чтобы служители культа, как не пользующиеся при извлечении дохода наемным трудом, приравнены были по-прежнему к лицам свободных профессий, а не к нетрудовому элементу, тем более не к кулакам. <...>

17. Чтобы детям духовенства разрешено было учиться в школах первой и второй ступени и чтобы те из них, кто к осени 1929 года уже был зачислен в состав вуза, не изгонялись за одно свое происхождение, а изгнанным предоставлено было право закончить свое образование.

18. Желательно, чтобы певчие-любители, профессионалы, состоящие в союзе РАБИС и других профессиональных союзах и для постороннего заработка участвующие в церковных хорах, за это участие не исключались из РАБИС и других союзов.

19. Летом 1929 года возбуждалось ходатайство об открытии в Ленинграде Высших богословских курсов Православной Патриаршей Церкви. Весьма желательно получить удовлетворение этого ходатайства, хотя бы в целях уравнивания нашего церковного течения с обновленческим, у которого есть академия.

20. Давно чувствует потребность иметь в Патриархии какое-нибудь периодическое издание, хотя бы в виде ежемесячного бюллетеня для печатания распоряжений, постановлений, посланий и проч. центральной церковной власти, имеющих общественный интерес.

21. Ввиду газетных статей о необходимости пересмотра Конституции СССР в смысле совершенного запрещения религиозной пропаганды и дальнейших ограничений церковной деятельности просим защиты и сохранения за Православной Церковью тех прав, какие предоставлены Ей действующими законоположениями СССР.

ВЦИК Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов.
23 января 1930

Гриф: секретно

В Ленинградское Общество драматических и музыкальных писателей

Из поступающих в Президиум ВЦИК обжалований со стороны церковно-приходских советов выясняется, что через посредство специальных агентов Драмсоюза последний обложил церковно-приходские советы специальным сбором под предлогом выплаты авторского гонорара за все время с 1 ноября 1924 года, в виде 5 процентов отчисления с содержания хора и священнослужителей.

Такое обложение явно противоречит существующим законоположениям о налогах и сборах.

Указанное обложение Драмсоюз распространил не только на Ленинградскую область, но и на другие области и автономные республики, оплачивая соответствующую агентуру 20 процента отчислением из собранных сумм.

Закон допускает взыскание за исполнение определенных произведений и определенных композиторов, но никоим образом не предоставляет повсеместное обложение церковных песнопений при обычном церковном служении.

Помимо этого из закона никак не вытекает обложение деревенских церквей, в которых церковное песнопение проводит один или два дьячка, не знающие нот и имен каких бы ни было композиторов.

Президиум ВЦИК предлагает немедленно прекратить действия, выходящие из рамок закона и ограничить область Вашего действия пределами Ленинградской области.

Член Президиума ВЦИК П. Смидович

Последний документ, несомненно, нуждается в комментарии. Как пишет известный историк О.В. Васильева, Смидович «на антирелигиозном поле большой игры был фигурой далеко не последней». Митрополиту Сергию было обещано передать по назначению его Записку о неотложных потребностях Церкви, приведенную выше с сильными сокращениями, сразу же после пресс-конференции митрополита для зарубежных корреспондентов, которая должна была состояться (и состоялась) 18 февраля. Таким образом, Смидович как бы «подкупал» находившегося в очень сложной ситуации архиерея⁵.

Впрочем, распоряжение высоких властей не помешало Драмсоюзу почти в те же дни обратиться в Св. Синод со следующим – не столько письмом, сколько указанием:

Драмсоюз – в Св. Синод. 6 февраля 1930

По поступающим от агента Драмсоюза сведениям Вами по всем благочиниям и церковным причтам и советам разослан циркуляр, разъясняющий, что авторский гонорар церковные советы обязаны уплачивать только в том случае, если имеется хор, в противном случае авторский гонорар уплачиваться церковными советами не должен.

Ввиду того, что Ваш циркуляр противоречит существующим разъяснением НКПроса от 11.11 и 13.11 1929 года за № 6983, изданным в развитие закона об авторском праве от 25.01 1930 и от 16.05 1928 года, Драмсоюз полагает, что Вам надлежит немедленно отменить изданный Вами в противоречии с инструкциями высших правительственных органов циркуляр.

Драмсоюз считает необходимым осведомить Вас, что им предписано всем агентам Общества взыскивать авторский гонорар со всех церквей, в которых исполняются произведения композиторов членов Общества, независимо от того, имеется ли хор или не имеется. Гонорар исчисляется с зарплаты всех лиц и хора, обслуживающих «художественную часть предприятия», церкви, причем к лицам, обслуживающим эту часть, причисляются и служители культа.

Член правления Потехин
Заведующим Агентурным отделом Танин⁶

* * *

Конец Драмсоюза, вызванный и упомянутыми выше изменениями правительственного курса, и сложными отношениями с влиятельным Союзом воинствующих безбожников, который считал, что Драмсоюз обязан более щедро делиться с ним получаемыми от церквей средствами, и напором пролеткультовских организаций, достаточно подробно освещен в цитированной выше статье Г.А. Цветковой. Мы же приведем здесь лишь отдельные документы.

⁵ См.: *Васильева О.* Февральская пресс-конференция митрополита Сергия иностранным корреспондентам: историческое наследие и материал для исторического осмысления // Альфа и Омега. 2002. № 3 (33). С. 133.

⁶ РГАЛИ, ф. 645, № 398, л. 66.

В 1929 Драмсоюз, предчувствуя перемены, провел «чистку рядов» (сопровождаясь новым анкетированием членов) и общее заседание Хоровой секции, принявшей следующий итоговый документ.

(Л. 34)

Декларация Хорсекции Драмсоюза, принятая общим собранием учредителей Секции 15 августа 1929 года

Так как культовая музыка в настоящее время имеет только историческое значение и почти все авторы члены Хоровой секции давно уже перешли к музыкальному хоровому творчеству клубно-эстрадного жанра, но, являясь в то же время руководителями клубных хоровых кружков, каждый из них творил индивидуально, применяясь к производству и неорганизованно, – авторы члены Хорсекции с настоящего времени переходят исключительно к клубно-эстрадному хоровому творчеству организованным путем.

Стремясь к тому, чтобы раз навсегда покончить с поощрением творчества культовой музыки и наоборот, чтобы дать прочную базу для создания нового советского репертуара, как клубного, так и школьного, – Хорсекция настоящим декларирует:

1. Прекратить совершенно учет у членов Хорсекции культовой исполняемости и при переквалификации исходить лишь из удельного веса данного автора как композитора и исполняемости его революционных народных и художественных произведений. Считая, что исходя из этого принципа Хорсекция станет на верный путь в деле создания современного советского репертуара и станет, таким образом, общественно полезной художественной единицей, немедленно по утверждении настоящей декларации произвести переквалификацию в рядах Хорсекции на основах, изложенных как в ней, так и в прилагаемом положении о Хорсекции.

2. Чтобы обеспечить нормальное развитие творчества, Хорсекция вступает в связь с другими секциями Драмсоюза, и главным образом с теми, которые могли бы снабжать ее необходимым литературным материалом (тексты для песен, хоров, ансамблей, инсценировок и т. п.).

С подлинным верно деловод Драмсоюза Крахт

(Л. 79)

Союз Воинствующих Безбожников – В Главискусство Наркомата Просвещения. Тов. Раскольникову. Январь 1930

<...> Драмсоюз ведет не честную игру по отношению НКПроса и ЦС [Центрального Совета] СВБ.

Список живых авторов, состоящих в хоровой секции, в своем большинстве состоит из таких, которые не исполняются в церкви (из 69 авторов – не исполняются 45). Среди живых числится Римский-Корсаков, умерший в 1908 году и не имеющий наследников [?] Из 44 исполняющихся авторов (по списку 69) в своем большинстве исполняется композитор Чесноков, а все остальные только в незначительном количестве.

Из 10 умерших композиторов, имеющих наследников, числится Алиматов [так!] – не имеющий наследников [?], и из 10 исполняется только 7.

Из 16 авторов, исключенных из Общества, ни один не исполняется, и только поэтому Драмсоюз их исключил, так как начисления на их произведения не поступали в кассу Драмсоюза.

Драмсоюз, имея в своем списке секции хоровых композиторов не исполняющихся авторов, не указывает тех, которые исполняются исключительно в своем большинстве во всех церквях СССР, но продолжает сборы и все средства распределяет по «лимиту», установленному якобы самими авторами, несогласованно с Главискусством НКПроса и ЦС СВБ. Благодаря чего получается, что действительно исполняющиеся композиторы по списку 69 (примеры: Ипполитов-Иванов, Никольский, Рютов, Сахновский, Чесноков, Шведов и ряд других) получают 500–

700 рублей в месяц. Все остальные «мертвые души» пока в неизвестности, и Драмсоюз, уплачивая баснословный гонорар, оставляет себе на содержание аппарата не менее 300–350 тысяч рублей в год, отделяваясь грошовым подаянием энного процента клубным авторам и ЦС СВБ (действительная сумма сборов всячески скрывается). <...>

Зам. Председателя ЦС Лукачевский
Ответственный секретарь ЦС Ф. Олещук

Оставляя в стороне ошибки документа, извлечем из него главное: перечень наиболее популярных авторов и уровень их гонораров. Для сравнения приведем данные о покупательной способности рубля в эти годы: килограмм мяса стоил в среднем 43 копейки, килограмм творога – 30 копеек; рубль 1927 года равен примерно 269 рублям 2009 года. То есть гонорары авторов и содержание аппарата Драмсоюза находились, несомненно, на высоком уровне.

Ниже следует оправдательный документ уже обреченного, но еще сопротивляющегося Драмсоюза:

(Л. 8–9 об.)

Драмсоюз – в Культурную комиссию при ВЦИК и Центральный совет Союза Воинствующих Безбожников. 13 февраля 1930

<...> Сбор авторского гонорара за публичное исполнение в церквах хоровых произведений ведет начало с 1925 года... <...> В течение 1926–1929 годов агенты Общества собирали авторский гонорар, исчисляя его в размере 5 % с вознаграждения, получаемого хором, сдавали определенные суммы Наркомпросу (за исполнение ряда умерших композиторов), остальное, за покрытием операционных расходов, а в 1929 году и за некоторыми отчислениями на культурно-просветительские цели (главным образом на поддержку клубных авторов...) – передавали эти сборы авторам для распределения.

В целях установления наиболее правильного и по возможности точного распределения Драмсоюз в 1926–27 и 1928 гг. предпринял широкое обследование репертуара, исполняемого в церквах. Результаты этих обследований в виде нескольких тысяч анкетных (опросных) листов, заполненных разного масштаба церквами, свидетельствует о несомненном исполнении во всех почти (чтобы не сказать – во всех) церквах как городского, так и сельского типа произведений членов Драмсоюза и национализированных авторов (Чайковский, Смоленский, Римский-Корсаков, Аренский). Обследованиями этими было параллельно установлено, что в большинстве церквей, и во всяком случае там, где нет постоянного профессионального хора, обязанности запевалы, или регента исполняют и священники, и диакона, и псаломщики, приносящие с собой в мало знакомые с церковной музыкой села городские гармонизации обиходных, знаменных и иных напевов.

Указанное обследование дало приблизительную картину потребления религиозных музыкальных произведений, которая и была положена в основу распределения гонорара, – между живыми авторами, наследниками умерших и Наркомпросом, получавшим гонорар не только за национализированных авторов, но и за Веделя, Ломакина и др. вышеперечисленных умерших композиторов. <...>

Противление общин на местах, однако, не прекращалось. Оно пошло лишь по другому пути. Наряду со множеством жалоб, направляемых приходскими советами в центр, во все высокие учреждения, вплоть до Секретариата ВЦИК, в Прокуратуру Республики, Наркомвнудел (не говоря уже о Правлении самого Драмсоюза), приходские советы стали изыскивать способы уйти от уплаты гонорара, отказываясь от хорового начала, скрывая его любительскими будто бы неоплачиваемыми хорами, кликушами и девушками с села, поющими в подголосок дьячкам, дьяконам, священникам и т. д. ...

1929 год привнес в это дело ряд новых моментов.

1. С одной стороны, приходские советы <...> нашли способы уклонения и укрывательства от платежа. В связи с нажимом усиливающегося культурного подъема широких масс на церковь приходские советы стали сокращать хоры и вовсе упразднять их, перелagая обязанности хора на причт. Тот же подъем культуры вызвал со стороны церковных заправил необходимость более тесного сближения причта с «паствой», чем объясняются учащающиеся случаи ссылки на общенародное моление (при отказах от уплаты).

2. С другой, все тот же подъем общественно-культурного сознания побудил Наркомпрос и Драмобщества, собирающие авторский гонорар, извлечь из дела сбора гонорара возможную и максимально общественную пользу. В этих целях Наркомпрос признал необходимым передать поступающие к нему суммы гонорара за национализированных авторов Центральному Совету Союза Безбожников.

Параллельно с этим и авторы – члены Драмосоюза и Модпика [Московское общество драматических писателей и композиторов], которым по закону принадлежит это право на гонорар, стали производить отчисления из сумм поступающего в распределение... гонорара в ЦС СВБ (15 %), на фонды клубного автора (10 %) и общие культурно-просветительные фонды Общества (5 %). <...> Авторы – члены Общества признали себя обязанными и общественно отрешиться от учета религиозно-культового начала в своих произведениях и очистить свои ряды как от социально неприемлемого элемента, так и от лиц, не имеющих художественного музыкального багажа в плане современном, советском. Ряды лиц, имеющих право на участие в разверстке сумм, поступающих от церквей, были тщательно пересмотрены, была установлена их светская музыкальная квалификация, их исполняемость как хоровых массового пения композиторов на клубных, красноармейских и проч. площадках и определена доля их участия в разверстке с учетом только этих признаков, при чем кроме того установлен был для всех композиторов жесткий лимит ежемесячной максимальной выдачи, за пределы коей средства, поступающие от гонорара с церквей, должны обращаться на культурно-просветительные цели.

Изыскивая способы установления подлинной картины исполнения музыкальных произведений в церквях и считая себя и свою агентуру обязанной принять непосредственное участие в антирелигиозной пропаганде, направленной на закрытие церквей и подъем культурного уровня крестьянина путем освобождения его от религии, Драмосоюз в ряде разъяснений Наркомпроса по отдельным жалобам общин на агентов Драмосоюза усмотрел прямую директиву Наркомпроса к определению церковного богослужения как некоего рядового зрелища культового характера показа, в котором наемный причт ничем не отличается от наемных работников искусств, получающих свою заработную плату от устройства зрелища и фактически либо заменяет хор, либо в худшем случае соучаствует в церковном пении. <...>

Драмосоюз однако совершенно трезво учитывал и учитывает, что среди большого контингента представителей Драмосоюза на местах могут оказаться агенты, не обладающие достаточным общественно-политическим чутьем и тактом для того, чтобы надлежаще выполнять директивы Драмосоюза и его Агентурного отдела; поэтому Драмосоюз подробно и тщательно инструктирует свою агентуру изо дня в день, выправляя те ошибки и промахи, которые допускает агентура, немедленно реагирует <...> на все запросы и жалобы приходских советов, прихожан и причта... <...>

За Председателя Правления...

О «результатах обследований», проведенных Драмсоюзом, а также и о результатах нового анкетирования членов, пойдет речь далее. Здесь же приведем результаты проведенной «чистки рядов» (результаты, по-видимому, не окончательные, были и другие «вычищенные», то есть исключенные из рядов Хоровой секции):

(Л. 123)

1. Ермаков Д.Д.
2. Ступницкий М.П.
3. Анихнов А.И.
4. Бочкало Н.Я. (иеромонах Нафанаил)
5. Ершов А.
6. Андреев А.А.
7. Оболенский А.И.
8. Маркевич К.А.
9. Троицкий Г.В.
10. Баньковский Г.М.
11. Ельцов И.Г.
12. Сидельников Г.И.
13. Шуянов
14. Полянский А.О.
15. Рождественский А.В.
16. Липаев Ф.А.

Одним из итоговых в деле Хоровой секции Драмсоюза может считаться напечатанный в типографии документ, подписанный новым председателем организации П.Е. Щеголевым (между прочим, известным ученым-пушкинистом).

(Л. 172-174 об.)

О роспуске Хоровой секции

<...> Ни одно общество по охране авторских прав, находящееся на территории СССР, не должно, не может быть повинным в каком-либо, хотя бы сомнительном, содействии росту культового творчества. Совершенно ясно, не место в подобном советском обществе композитору, хотя бы талантливейшему, если вся его продукция сводится только к церковным песнопениям. Но ясно также и то, что если композитор до революции отдавал некоторую долю своего творчества на создание музыки для церкви, – а в силу особых условий развития композиторского творчества редкий из композиторов этого не делал, – то исполнение таких его произведений в церкви должно быть ему оплачено. Нельзя лишать материальной компенсации и такого композитора, который до революции работал только для церкви, но после революции увлеченный революционным подъемом стал работать для советского хора. Такой композитор имеет право на охрану своего гонорара со стороны авторской организации.

Но не может быть и не должны быть членами таких организаций и не может ни в какой мере и ни в какой форме (хотя бы в форме клиентуры) пользоваться охраной своего гонорара наиболее многочисленная группа поставщиков на церковь, состоящая из служителей культа и регентов, работающих исключительно на церковь, а для соблюдения декорума ссылающихся на один-два советских произведения, написанных специально для маскировки профессии. <...>

В выдвинутых нами положениях полная аналогия с на днях опубликованным постановлением ВЦСПС о праве на союзное членство церковных певчих и регентов. ВЦСПС разъяснил, что певчие и регенты, основным заработком которых является жалованье, получаемое ими от церкви, не могут быть членами Союза. <...>

Нет церковной, нет так называемой хоровой секции. В настоящее время в срочном и экстренном порядке надо разрешить вопрос, кто из членов Общества, входивших в состав хоровой секции, может быть членом Общества и кто не имеет права быть членом Общества...

<...> Мероприятия Правления в отношении хоровой секции отнюдь не нарушают материального положения авторов – членов нашего Общества. До материального же ущерба авторов, исключенных и обслуживающих церковь, – Обществу нет никакого дела. Общество получает гонорар только для своих членов, и сколько бы произведений наших членов ни исполнил церковный хор (хотя бы всего одно), церковь <...> обязана уплатить узаконенный процент нашим членам, и Обществу

совершенно не интересно знать, откуда будут получать свой гонорар люди, весь свой труд полагающие на обслуживание церкви. <...>

Прочитируем еще раз статью Г.А. Цветковой:

Сбор авторского гонорара с церковью был прекращен секретной инструкцией 1930 года [20 июля: секретная инструкция к Постановлению ВЦИК и СНК «О религиозных объединениях»; см. Цыпин. 1999. С. 228–230], где говорилось, что «не должны допускаться сборы и налоги, не установленные законом, как то: сбор за использование песнопений под видом оплаты авторского гонорара». <...>

Это очевидное лицемерие на государственном уровне задавало образец поведения и на уровне местном, служило примером использования власти в своих интересах, средством получения личной выгоды, где политическая риторика выступала в роли ширмы. Зав. Агентурным отделом Драмсоюза выводил правомерность своих действий из логики идейно-политического дискурса: «право и закон на вашей стороне» постольку, поскольку «вы делаете важное общественно-политическое дело, обескровливая Церковь, этот серьезный тормоз на пути советского строительства» <...>

В 1931 году все махинации с законом списали на Драмсоюз, дни которого были сочтены уже годом ранее по независимой от дела с гонорарами причине «советизации» творческих союзов⁷.

* * *

Напомним: в феврале 1930 Драмсоюз указывал, что он «в целях установления наиболее правильного и по возможности точного распределения [средств] в 1926–27 и 1928 гг. предпринял широкое обследование репертуара, исполняемого в церквях» и получил несколько тысяч анкетных листов. К великому сожалению, эти тысячи листов не сохранились, но, к нашей радости, сохранился как текст разосланной анкеты, так и сводный результат подсчета данных по анкетным листам – в виде списка исполняемых авторов и количества исполнений их произведений в обследуемый период.

(Л. 21–23)

Опросный лист об исполняемости композиторов за 1927–1928 годы
Печатный текст на бланке Драмсоюза

Тов. Агенту.....

Агентурный отдел Драмсоюза и Модпика просят Вас предложить тт. регентам церковных хоров заполнить нижеследующий опросный лист.

Листы должны быть заполнены регентами и возвращены Вами в Агентурный отдел не позже 1 марта 1928 г.

Так как опросные листы занумерованы и являются документами отчетности, – они должны быть обязательно Вами возвращены все, даже и в случае незаполнения части их, с указанием причины незаполнения.

Зав. Агентурным Отделом Драмсоюза И. Стрельников
Член Правления Модпика Л. Гольденвейзен

⁷ Цветкова Г.А. Указ.соч. С. 25–26.

28 июля 1928, Москва

ТТ. РЕГЕНТАМ

Бюро композиторов просит Вас дать сведения по вышеуказанному опросному листу.

При заполнении листа следует против фамилии каждого автора указать количество его произведений, исполняемых хором.

В случае полного отсутствия в репертуаре хора произведений какого-либо автора против его фамилии отмечается неисполняемость.

Сведения даются об авторах, исполнившихся за минувший и текущий годы.

Примечание: Так как требуемые сведения необходимы исключительно для того, чтобы установить более или менее точную исполняемость каждого автора (в целях определения каждому из них размера авторского гонорара при общей квалификации авторов), то необходимо, чтобы показания опросного листа соответствовали действительности.

При даче сведений по опросным листам, рассылавшимся в прошлом году, имели место опасения регентов, что большой репертуар хора послужит предлогом к повышению взиманий с церкви авторского гонорара, – почему в опросных листах явно преуменьшались количества произведений либо же совсем скрывались исполнения многих авторов, как равно были и случаи уклонений от дачи сведений по опросным листам, то есть листы совсем не возвращались в Бюро.

Бюро разъясняет тт. регентам, что авторский гонорар берется с суммы заработка хора, без всякого отношения к репертуару, – размер взимания авторского гонорара несколько не изменится от того, будут ли в опросном листе отмечены все авторы, с точным количеством произведений их, исполняемых хором, или же всего один автор с одним только произведением. Неверные же сведения, а также и отсутствие последних об исполняемости авторов непременно отразятся вредно на расценках последних в отношении получаемого ими гонорара. <...>

Список композиторов, значащихся в опросном листе, согласован с Модпиком.

Председатель Бюро Секции композиторов Драмсоюза
С. Богословский

К этим воззваниям был приложен список композиторов, который мы и приводим далее, но уже с вписанными в него сотрудниками Драмсоюза сводными числами, из которых первое число означает количество храмов, в которых исполнялся данный автор, а второе число – количество исполнений (по-видимому, за 1927 и 1928 годы вместе взятые).

(Л. 23)

1. Азеев Е.С.	422/1340
2. Александров А.В.	156/392
3. Алексеев К.С.	32/88
4. Аллеманов Д.В.	558/1759
5. Алферов И.Я.	3/6
6. Ананьев В.Н.	42/146
7. Андреев-Оксар А.А.	128/276
8. Анихнов А.И.	7/28
9. Антонов В.А.	35/74
10. Аренский А.С.	135/228
11. Армашев П.И.	16/54
12. Архангельский А.А.	665/9356
13. Архангельский А.Н.	97/410
14. Архангельский Н.Г.	51/167
15. Асафьев В.В.	17/25
16. Астафьев А.М.	135/262
17. Баньковский Г.М.	124/216

18. Бачкало Н.Я. (Нафанаил)	2/7
19. Богданов П.А.	253/379
20. Богословский С.А.	417/1502
21. Василенко С.Н.	19/38
22. Васильев П.И.	158/312
23. Венедиктов Н.Я.	110/319
24. Викторов В.М. (Пахромович)	16/26
25. Витошинский Е.М.	88/121
26. Гиренко	158/254
27. Глуховцев А.С.	2/4
28. Голованов Н.С.	51/106
29. Гончаров	55/78
30. Гречанинов А.Т.	438/2010
31. Гребенщиков П.И.	313/634
32. Гусев Ф.И.	15/64
33. Давидовский Г.М.	413/1241
34. Данилин Н.М.	43/90
35. Денисенко Ф.И.	43/59
36. Ельцов И.Г.	229/542
37. Ермаков Д.Д.	не исп.
38. Ершов А.	10/51
39. Зиновьев В.Н.	410/1099
40. Зинченко В.И.	133/313
41. Иванов-Радкевич П.О. (он же Иванов П.)	339/777
42. Извекоев Г.Я.	195/434
43. Ипполитов-Иванов М.М.	514/1821
44. Калинин В.С.	255/767
45. Карпов М.В.	31/52
46. Кастальский А.Д.	507/3290
47. Кашперов В.Н.	3/4
48. Коваленко И.Ф.	33/97
49. Козлов А.Я.	6/6
50. Комаров В.Ф.	58/68
51. Компанеев З.	22/35
52. Концевич Г.М.	20/38
53. Копылов А.	217/424
54. Корещенко А.Н.	6/7
55. Кротков Н.С.	не исп.
56. Крылов П.Д.	22/29
57. Кузнецов Г.Ф.	30/35
58. Куралесин К.М.	128/228
59. Курбатов	408/558
60. Кусков Б.Н.	25/49
61. Кустов Н.Н.	141/201
62. Кьяндский А.А.	182/207
63. Лагунов М.А.	145/385
64. Лаирнов М.А.	2/2
65. Лебедев Н.Д.	150/249
66. Леонов Н.Ф.	5/32
67. Леонтович	7/10
68. Липаев Ф.А.	104/233
69. Лисицын М.А.	300/663
70. Литинский	32/44
71. Львовский Г.Ф.	328/1421
72. Маркевич К.А.	95/186
73. Миронов Н.Н.	3/3
74. Морозов С.А.	67/223

75. Мурзаев С.Е.	не исп.
76. Мясников Ф.В.	558/1604
77. Никишев М.П.	22/97
78. Никольский А.В.	345/1388
79. Оболенский А.И.	12/25
80. Оленин А.А.	6/22
81. Остроглазов М.	136/203
82. Панченко С.В.	466/828
83. Пащенко А.Ф.	14/20
84. Плаксин С.И.	не исп.
85. Поздняков Г.А.	39/71
86. Полянский А.О.	28/78
87. Потоцкий С.И.	8/13
88. Рахманинов С.В.	232/803
89. Ребиков В.И.	12/19
90. Речкунов М.П.	187/380
91. Римский-Корсаков	401/801
92. Рождественский А.В.	68/184
93. Рукин П.	31/53
94. Рычагов А.П.	47/93
95. Рютов Г.И.	410/1482
96. Самсоненко В.	355/968
97. Сапожников В.К.	117/321
98. Сахновский Ю.С.	26/32
99. Сванидзе Г.Д.	1/3
100. Сидельников Г.И.	130/251
101. Тараненко	4/34
102. Скрипников М.Ю.	43/118
103. Слонов М.А.	288/614
104. Смоленский С.В.	476/1098
105. Соколов П.И.	473/873
106. Соловьев Н.И.	63/130
107. Соловьев Н.Ф.	22/38
108. Стешенко М.К.	2/5
109. Степанов Ф.Е.	362/973
110. Сушков А.М.	23/32
111. Тараненко Я.М.	4/34
112. Толстяков П.Н. (Драгомиров)	117/213
113. Толстяков Н.Н.	233/731
114. Триодин П.Н.	3/5
115. Троицкий Г.В.	61/107
116. Уваров Н.М.	144/220
117. Фатеев В.А.	491/1987
118. Фрунза А.А.	60/142
119. Царев-Лунин Н.Я.	41/113
120. Чайковский П.И.	535/3035
121. Черепнин Н.Н.	150/320
122. Чесноков А.Г.	150/511
123. Чесноков П.Г.	446/5221
124. Чмелев Я.А.	105/228
125. Шведов Д.Н.	96/202
126. Шведов К.Н.	177/431
127. Шевцов Я.А.	36/155
128. Юхов И.И.	90/150
129. Яичков Д.М.	363/580
130. Яциневич	2/3
131. Гордовский	38/50
132. Надеждинский	10/18
133. Туринков [так!]	17/44

Композиторы – Бортнянский, Ведель, Ломакин, Львов и Турчанинов не внесены в опросный лист, так как их исполняемость установлена, – а потому пере-квалификации они не подлежат.

Подпись регента, дающего сведения.

* * *

Перед нами – исключительно ценный документ. Есть в нем и ожидаемое, и неожиданное. Примерный рейтинг лидеров:

1 место – А.А. Архангельский (9356)

2 место – П.Г. Чесноков (5221)

3 место – П.И. Чайковский (3035), А.Д. Кастальский (3290)

4 место – А.Т. Гречанинов (2010), В.А. Фатеев (1987), М.М. Ипполитов-Иванов (1821), Д.В. Аллеманов (1759)

5 место – С.А. Богословский (1502), Г.Ф. Львовский (1421), Ф.В. Мясников (1604), Г.М. Давидовский (1241), В.Н. Зиновьев (1099), Г.И. Рютов (1482), С.В. Смоленский (1098).

Не дотягивает до 5 места С.В. Рахманинов – 802.

О чем может говорить эта статистика? Первые три места вполне ожидаемы, хотя, наиболее вероятным кандидатом на первое место, с нашей точки зрения, мог быть и Павел Чесноков. Несколько удивляет столь высокая исполняемость Чайковского (хотя из разных материалов явствует, что в Москве, например, Чайковского всегда пели много, в том числе полностью Литургию, соч. 41) и радуется она же у Кастальского: Новое направление твердо держалось в двадцатые годы, в том числе, конечно, благодаря регентам из среды Синодального училища. В четвертой категории неожиданно много Ипполитова-Иванова. В пятой категории, кроме вполне закономерного Львовского и опять-таки радующего своим появлением Смоленского, – сразу несколько здравствовавших авторов (точнее, Сергей Богословский скончался в 1929, о. Василий Зиновьев в 1925). С чем связана их популярность? С большим объемом творчества? С энергичным его распространением?

Понятна высокая исполняемость композиций Василия Александровича Фатеева, который в течение нескольких десятилетий был регентом Казанского собора в Петербурге. Из анкет известного хормейстера Григория Митрофановича Давидовского видно, что он в 1920-х усердно занимался копированием и рассылкой своих новых духовных произведений, – в деле имеется огромный список его адресатов; живя в Ростове и будучи руководителем Симфонической капеллы, он постоянно исполнял себя, причем посылал сведения в Драмсоюз. Сергей Александрович Богословский был регентом очень известного московского храма Св. Троицы на Грязех (ранее там регентовал Павел Чесноков), печатался у Юргенсона и Киреева.

Георгий Иванович Рютов – очень популярный московский автор и регент, его архив с духовными сочинениями, как уже говорилось, имеется в Музее имени Глинки. У Федора Васильевича Мясникова, имевшего диплом Придворной капеллы и жившего в 1920-е в на юге России, – огромный перечень сочинений, в том числе несколько десятков неизданных, распространявшихся в рукописях (всего около 100 позиций); он был (и есть) особенно исполняем в Сибири, где работал в предреволюционные годы. Ярославский священник Василий Зиновьев – известный и уважаемый автор; сочинения его ныне изданы и исполняются крупными хорами, в том числе «С нами Бог», обретшее всероссийскую известность благодаря исполнению Лаврского хора под управлением о. Матфея.

Можно заметить, что сочинения всех этих авторов сохранялись на клиросе и в послевоенную эпоху, многие из них живут там и до нынешнего дня – в большинстве случаев в рукописных копиях, часто, по-видимому, восходящих к эпохе 1920-х. Примером может служить ныне хранящееся в Синодальной библиотеке огромное собрание регента В.В. Локтева, в котором многие сочинения, переписанные во второй половине XX века, отмечены как переписанные с экземпляров 1920-х годов, а иной раз представлены и сами эти экземпляры.

* * *

Другого рода материал дают сохранившиеся личные дела ряда членов Драмсоюза, особенно если авторы представлены дважды – при вступлении в организацию и при «чистке» 1929 года. К этому моменту Драмсоюзом был подготовлен печатный бланк анкеты с широким кругом вопросов, в которые входило и социальное происхождение, и образование, и служба до 1917 года, и нынешняя занятость, а также членство в профсоюзе, партийность и отношение к советской власти.

Далеко не все анкеты сохранились и далеко не при всех сохранившихся анкетах имеется список сочинений данного автора, хотя по правилам его следовало прикладывать. Выдающиеся, много издававшиеся до 1917 года композиторы в большинстве случаев игнорировали это требование, либо писали примерное общее число композиций; в некоторых случаях при сохранившихся анкетах списки были утрачены.

Данный источник неоднократно, хотя и выборочно, использовался современными исследователями, прежде всего Н.Ю. Плотниковой в ее статьях в Православной энциклопедии и других работах. Хотелось бы сказать несколько слов об общем впечатлении, оставляемом этими документами.

Правилom является сокращение или даже исключение духовных композиций в анкетах 1929 года по сравнению с заявлениями о вступлении в Драмсоюз, то есть с 1924–1926 годами.

Пример – анкета Павла Ивановича Гребенщикова (№ 178), который в заявлении о приеме в Драмсоюз от 2 июня 1926 года, являясь тогда регентом кафедрального собора г. Иваново-Вознесенска, пишет:

(№ 198, л. 1)

Окончив регентские классы б. Придворной капеллы по 1-му разряду в 1902 году, я все время управлял частными и архиерейскими духовными хорами, в то же время работал на педагогическом поприще. Был преподавателем пения и музыки в учительских и духовных семинариях, учительских институтах и других учебных заведениях. До революции мною написано несколько духовно-музыкальных произведений, из которых 10 номеров изданы в печати (в сборниках Киреева). В революцию в издания Киреева вошли 5 номеров, остальные в рукописях, всего 45 номеров, 12 из них представляю Вам на просмотр и прошу принять меня в число членов Общества. На регентском поприще работаю 25 лет, на педагогическом 23 года, из них 6 лет при советской власти. О моем стаже имеются документы. В г. Иваново-Вознесенске духовных хоров 4, которые и платят авторский гонорар.

К сожалению, нотные образцы и список сочинений в деле отсутствуют. В 1928 году меняется адрес и статус Гребенщикова: теперь он преподает музыку в школе 2-й ступени в городе Надеждинске Уральской области. 12 апреля он пишет в Драмсоюз:

(№ 198, л. 30)

Кроме школы, где я занимаюсь в 18 группах, работаю бесплатно с хоркружком в своем союзе Рабпрос и с 10 апреля приглашен руководителем в ж. д. клуб по соглашению. О своей службе, где я имею нагрузки 30 с половиной часов в неделю, мною послана от школы справка. О работе общественной бесплатной с учителями и учительницами в клубе, если нужно, могу тоже представить удостоверения. Не может ли общество нас, провинциалов, информировать, где какие журналы, газеты по хорошему музыкальному делу в клубах, разных кружках и школах, куда бы можно было писать о культурной жизни данной местности. Об исполняемости светских пьес полностью весьма трудно представить точные сведения, но есть письма и денежные переводы за ноты моего сочинения светские, которые посылались наложенным платежом в разные места. Это доказывает их применяемость в исполнении. Хоровое дело в клубах в провинции влечет жалкое существование за отсутствием квалифицированных руководителей. В большинстве случаев мало подготовленные и к тому же пьяницы. У нас в Надеждинске 7 апреля из двух клубов уволили не администрация клубов, а общим собранием участников руководителя музхоровых кружков за пьянство. Общество наше могло бы в провинцию готовить достойных руководителей. Массы стремятся к культуре, в особенности молодежь, а смены нам пока нет».

Вместе с этим письмом Гребенщиков отправляет в Драмсоюз ответы на вопросы анкеты: здесь он обозначает свою основную профессию как «школьный работник», все свои «культурные сочинения» (без перечисления) относит к дореволюционному периоду и утверждает, что после революции писал «исключительно светскую музыку вокальную для хоров и школ»; в приложенном списке фигурируют только светские хоры, причем первым номером идет обработка «Интернационала», третьим – «Варшавянка» и т. д. Это типично для многих анкет 1929 года.

Отвечая на вопросы о партийности и отношении к советской власти, Гребенщиков пишет: «Беспартийный и как беднейший пролетариат всецело стою на платформе советской власти. Член Профсоюза Рабпрос».

В августе 1929 года Гребенщиков переехал в Москву и в связи с этим просил о срочной выдаче ему гонорара (довольно высокого: 450 рублей за июнь-август).

Известный, издававшийся до 1917 года тифлисский регент старшего поколения Иван Григорьевич Ельцов называет себя в заявлении от 4 октября 1926 года «учителем церковного пения и теории музыки» и прикладывает список своих духовных сочинений из двух десятков номеров (в том числе из неоконченной «Русско-грузинской литургии») (№ 226).

В письме от 22 октября 1929 года он просит «пересмотреть мое дело по вопросу об исключении меня из числа членов Драмсоюза»:

(№ 226, л. 20)

Прошу представить таковое на рассмотрение Общего Собрания со всеми высланными мною документами и последними моими произведениями, в числе коих мною было выслано неоконченное произведение «Прочь с дороги, мир отживший», к которому одновременно с сим посылаю продолжение.

В числе «высланных документов» имеется ряд справок о трудовой деятельности Ельцова. Приведем их в качестве типичных:

Справка от 2 апреля 1929
(Л. 21)

Гр. Ельцов Иван Григорьевич действительно служил в Тифлисском Паровозо-Вагоно-Ремонтном имени Сталина заводе и занимал должность конторщика с 10.11 1921 по 31.12 1923, зав. конторой цеха с 1.01 1924 по 15.05 1925 и стар-

шего табельщика с 16.05 1925 по 1.06 1928, с какового уволен по болезни глаз с переводом на пенсию.

Зав. гл. конторой Тифлисского завода Бадашвили

Справка от 30.06 1928 из Центрального правления Всегрузинского Союза работников искусств

(Л. 22)

Ельцов Иван Григорьевич вступил в члены «СТОМ» в октября 1917 года. С ноября 1917 до мая 1918 играл в ресторане «Анонна». С мая до октября 1918 играл в оркестре Рабочего клуба. С октября 1918 до апреля 19219 играл в ресторане «Орел». С мая 1919 до августа 1919 играл в ресторане «Сакартвело». С октября 1919 до ноября 1920 играл в театре «Тиволи». С декабря 1920 по март 1921 был безработным. С апреля до августа 1921 играл в театре «Сатир-агит».

Управделами Гачечиладзе

Представлен в деле также вышеупомянутый хор «Прочь с дороги» и чуть позже, в 1930 году, высланная в Драмсоюз «музыкальная сатира» «Пауки и мухи (песенка почти детская)» для 4-голосного смешанного хора. И в текстовом, и в музыкальном отношении – это типичная антирелигиозная «агитка» по образцу в изобилии сочиняемых в это время группой пролеткультовских авторов во главе с Д.В. Васильевым-Буглаем. Финальные строки:

Но ошибся в корне поп,
Поумнел Советнарод
И решил – давно пора
Упразднить нам паука,
Попа!
Дили, дили, дилибом,
Перевернем мы все вверх дном.
Не нужны нам церковь, поп,
Школу, книгу нам даешь!

В еще одном заявлении о пересмотре дела Ельцов пишет: «<...> Из перечисленных документов видно, что я не служитель религиозного культа, а член Профсоюза <...>» – и высылает еще десяток народных и советских песен для кружков и клубов.

Тоже достаточно известный духовный композитор Яков Александрович Чмелев (№ 702) в заявлении о вступлении в 1925 году перечисляет около 25 своих духовных опусов, а в печатной анкете 1929 года называет только светские хоры, правда, с ремаркой – «есть и духовные произведения». Отвечая на вопрос об отношении к советской власти, Чмелев пишет: «Мое искреннее убеждение, что только Коммунистическая партия может вывести на светлую дорогу человечество».

На таком фоне выделяются анкеты тех, кто не отказывался от своего прошлого. В их числе – крупный церковный деятель и талантливый автор Емилиан Михайлович Витошинский. К заявлению о вступлении в Драмсоюз в 1925 он дает полный список своих изданных и находящихся в рукописи сочинений; в перечне своей обширной «музыкально-общественной деятельности» упоминает об участии в Поместном Соборе. В анкете 1929 года он дополняет список произведений светскими опусами (преимущественно этнографического характера), а отвечая на вопросы анкеты – называет себя сыном священника и с «1924 по сей день» – безработным.

Особого рода краткостью отличаются дела самых выдающихся членов Драмсоюза. Например, Николая Михайловича Данилина, написавшего в 1927 году заявление о приеме в такой форме:

(№ 675, л. 2)

Прошу принять меня в члены Секции, так как мои произведения исполняются духовными хорами:

в церкви Параскевы в Охотном Ряду
Сергия в Рогожской
Успения на Могильцах
Покрова в Левшине
Николая в Ваганькове
Покрова в Красном Селе
Иверской на Ордынке.

Эти церкви, в которых я сам слышал свои сочинения.

Н. Данилин.

Заполняя анкету 1929 года, Данилин упоминает 6 духовно-музыкальных сочинений и 12 народных песен для клубных хоров (без расшифровки), обозначает свою профессию как «педагог» и не заполняет графу об отношении к советской власти.

В деле новомученика отца Георгия Извекова (очень талантливого и много писавшего духовного композитора) имеется только лаконичное заявление о приеме в 1926 году, а также заявление от 18 февраля 1930 года:

(№ 2, л. 2)

17-го сего февраля вручено мне сообщение от 15 февраля 1930 года об исключении меня из списка членов секции хоровых композиторов. Я полагаю, что по 17 февраля с. г. за мной сохраняется право на получение авторского гонорара из котла хоровой секции, тем более что я остаюсь членом «Эстрады». Поэтому прошу, ввиду крайней нужды в деньгах, безотлагательно выдать причитающийся мне авторский гонорар, так как я живу исключительно музыкально-литературным трудом и других средств к жизни не имею.

Некоторые дела содержат обширные списки неизданных произведений, распространявшихся в то время в рукописях. Так, в списке Федора Васильевича Мясникова от 1929 года – более сорока подобных сочинений, в списке Александра Иосифовича Полянского – более двадцати, в списке Николая Павловича Царева-Лунина – около полусотни. Последний из названных регентов приводит конкретные адреса и имена тех, кому он рассылал свои композиции и кто исполнял их.

Например, в 1927–1928 годах:

(№ 682, л. 3)

За прошедший отчетный год мною лично распространены произведения по следующим городам: Осташков Тверской губ., Елец Орловской губ., Бежица Брянской губ., Москва, Мещевск Калужской губ., Козлов Тамбовской губ., Нахичевань, Семипалатинск, Орск, село Архангельское, Кузнецк Саратовской губ., Сталинград, Кременчуг, Сарачинское Самарской губ., Казань, Енакиево, Ржев Тверской губ., Краснодар, станция Тихорецкая, Калуга, Липецк Тамбовской губ., Севастополь, Сталино.

В еще больших масштабах подобной деятельностью занимался упомянутый выше Григорий Митрофанович Давидовский (№ 194). В его списке рассылки собственных сочинений – 260 адресов; имеется печатный список «Духовно-музыкальные произведения свободного художника Г.М. Давидовского на сла-

вянском и украинском языках»; у каждой позиции – точно обозначенная цена; у многих примечание – «продается в рукописи».

Примеры можно умножать.

Думается, материалы личных дел Драмсоюза важны для истории православного церковного пения в советский период: они нередко могут служить объяснением путей формирования клиросного репертуара в последующие десятилетия.

Но кроме того эти материалы, с нашей точки зрения, имеют высокую общеисторическую ценность, в заостренной, парадоксальной, иной раз анекдотической форме раскрывая противоречия двадцатых годов. А также – изломы множества людских судеб, в том числе тех людей, которых не обойдут жестокие репрессии следующего десятилетия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРА

Акты Святейшего Патриарха Тихона и позднейшие документы о преемстве высшей церковной власти. 1917–1943 / Сост. М. Губонин. М., 1994.

Васильева О. Февральская пресс-конференция митрополита Сергия иностранным корреспондентам: историческое наследие и материал для исторического осмысления // Альфа и Омега. 2002. № 3 (33).

Цветкова Г. «Фарисеи» и «Мытари» на службе у Советского государства: проблема осуществления власти как личного выбора человека // XVIII Ежегодная богословская конференция Свято-Тихоновского университета. Материалы. М., 2006. С. 19–26.